

МЕТАФОРА ЖИЗНЕННОГО ПУТИ В ПОЭЗИИ А.С. ПУШКИНА И П.А. ВЯЗЕМСКОГО

А.В. Петров, Н.Н. Соловьев

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
alexpetrov72@mail.ru, kolya.solowey.89@mail.ru*

Аннотация. В рамках данной статьи рассматривается метафорическое осмысление жизненного пути, которое представлено в стихотворениях А.С. Пушкина «Телега жизни» и П.А. Вяземского «Коляска». Метафорической подменой жизненного пути становится езда в «телеге» у Пушкина и «коляске» у Вяземского. «Коляска» Вяземского выступает в качестве идейной «наследницы» пушкинской «телеги». В то же время Вяземский осмысляет собственную метафору жизненного пути шире Пушкина. Это расширение достигается поэтом за счет конкретизации и увеличения пространства жизненного пути посредством внесения таких элементов, как творчество, друзья и другие. Данная статья прослеживает творческий диалог двух поэтов, позволяет выявить новшества, привнесенные Вяземским в осмысление данной метафоры.

Ключевые слова: метафора, жизненный путь, «телега», «коляска»

Введение

В современной теории метафоры, представленной, например, в книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» (когнитивный подход к метафоре), можно найти группу метафор жизни. Представленные там метафоры являются устойчивыми выражениями. В то же время там представлен и другой тип метафорических концептов, которые не структурируют одно понятие в терминах другого, а организуют систему понятий по образцу другой системы («ориентационные метафоры» – термин Дж. Лакоффа и М. Джонсона). Высказанные исследователями мысли отчасти применимы к рассматриваемой нами метафоре. Для данной работы близки и наблюдения, сделанные исследователем метафоры Х. Блуменбергом (Blumenberg) в книге «Shipwreck with Spectator: Paradigm of a Metaphor for Existence». В ней метафоры жизни представлены в виде морского путешествия: «Humans live their lives and build their institutions on dry land. Nevertheless they seek to grasp the movement of their existence above all through a meta-

Петров Алексей Владимирович – доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения МГТУ им. Г.И. Носова.

Соловьев Николай Николаевич – аспирант МГТУ им. Г.И. Носова.

phorics of the perilous sea voyage»¹. Материалу, который исследует Blumenberg, во многом близка метафора жизненного пути в стихотворениях А.С. Пушкина и П.А. Вяземского.

Назвать конкретную дату того, когда начинается поэтический диалог П.А. Вяземского и А.С. Пушкина, непросто. Поэты были связаны тесной дружбой не один год. Между ними происходит обмен идеями, что служит благодатной почвой для творческого диалога. Однако, по большому счету, в поле внимания исследователей попадают другие аспекты отношений поэтов: совместная деятельность в «Арзамасе», Вяземский как пушкинский критик, Вяземский как «биограф» Пушкина, Вяземский – защитник Пушкина. Указанные аспекты отношений поэтов представлены в работах: Д.Д. Благой «Социология творчества Пушкина» (1921), Ю.М. Лотман «В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь» (1988), В.Э. Вацуру «Записки комментатора» (1991), Э.Г. Бабаев «Творчество Пушкина» (1988) и др.

Цель нашего исследования – раскрыть особенности диалога двух поэтов. В рамках данной статьи мы рассмотрим два стихотворения, объединенные общностью темы; философскими, творческими подходами к осмыслению жизненного пути; образно-метафорическим рядом, то есть способом выражения метафоры. Речь идет о «Телеге жизни» Пушкина и «Коляске» Вяземского.

О стихотворении «Телега жизни» (1823) Пушкин упоминает в письме к Вяземскому, датированном 29 ноября 1824: «Знаешь ли ты мою Телегу жизни? Хотя тяжело подчас в ней бремя... Можно напечатать, пропустив русский титул...»². Вяземский уже был знаком с этим стихотворением Пушкина. Два месяца проходят в молчании. Через два месяца Пушкин интересуется судьбой своего произведения в письме 25 января 1825 г.: «Прочел я в Инвалиде объявление о Телеграфе. Что там моего? Море или Телега»³. Судьба «Телеги жизни» становится известной 19 февраля 1825 года: «Что же Телеграф обетованный? Ты в самом деле напечатал Телегу, проказник»⁴. Из переписки поэтов мы видим: для Пушкина не безразлична судьба стихотворения, он стремится его опубликовать. Однако в чистовике стихотворения присутствует ненормативная лексика. Вяземский становится редактором этого стихотворения – он убирает нецензурные фрагменты и в таком виде его публикует. В 1826 г. появляется ответ на «Телегу жизни» Пушкина – «Коляска» Вяземского. Перед нами стихотворения «дорожной» тематики. У Ю.М. Лотмана читаем: «дорожные стихи Пушкина <...> “Коляска” Вяземского и многое другое. Соединение мотивов дороги (коляски, кибитки, телеги) и окружающей шири полей – отличительный признак этой поэтической темы»⁵. В обоих стихотворениях изображена дорога, герой, уносимый вдаль лошадьми, сходный ход мысли. Влияние «Телеги жизни» Пушкина на «Коляску» Вяземского ощутимо. Однако можно указать и «обратное влияние». Стихотворение Вяземского как будто вносит корректировки в стихотворение Пушкина, договаривает за него. Так, Д.Д. Благой отмечает: «Пушкин относится к своей литературной работе именно как к “цехово-

¹ Blumenberg 1997, 7.

² Пушкин 1951/10, 112.

³ Пушкин 1951/10, 119.

⁴ Пушкин 1951/10, 125.

⁵ Лотман 1993/3, 158–159.

му» ремеслу»⁶, то есть характеризует поэта строками из стихотворения «Коляска» Вяземского.

Пушкин в стихотворении «Телега жизни» создает метафору человеческой жизни, осмысляя основные этапы пути через три ключевые точки жизни: юность, зрелость, старость. Три этапа – три строфы. Повозка о четырех колесах, открытая ветрам и дождям, является основным образом, который отражает представление Пушкина о жизни. В отличие от открытой, демократичной телеги Пушкина, его современник и друг обращается к образу более комфортабельного средства передвижения – коляске.

Для удобства сопоставления наметим ключевые образы: «телега» и «коляска» – метафорические осмысления жизненного пути; ящик; образ ездока.

С первых строк стихотворения «Коляска» противопоставляются два образа: *дорога* и *столица*. Контраст сохраняется на протяжении всего стихотворения. Данные образы детально прорабатываются автором. Знаковый атрибут в формировании образа *дороги* – *коляска*.

Вяземский начинает с метафорических замен, перифразы: *коляска* – «*страннический дом*», «*о четырех колесах келья*», «*кочующий гроб*». *Дом, келья, гроб* – воплощение покоя – внешне статичные, но автор наделяет их динамическими характеристиками – они способны «двигаться».

Князь Вяземский, «садясь в *коляску*», принимает своеобразный постриг: «в *коляске* постригаюсь я». Он принимает добровольное «монашество» путника, дающего обеты молчания, одиночества, безбрачия. Как и в келье реальной, автор находится в одиночестве, в изолированном от мира пространстве – в *коляске*, в которой наблюдается простота быта, как в келье.

Гроб связан с мотивом смерти, который пронизывает стихотворение:

Когда же вздумается мыслить,
То умираю наяву⁷.

Автор садится в *коляску* и «умирает». Этим и объясняется появление метафоры «кочующий гроб». *Коляска*, как и *гроб*, – средство «переправы» в иной мир, характеризующееся замкнутостью пространства, одиночеством. По функции она сходна с переправой через реки в мир мертвых в греко-римской мифологии. Перед нами уже не просто жизнь, а *жизнь духовная*.

Наше предположение подтверждают и другие слова, которые связаны с данной тематической группой: *душа, чудо, постригаюсь, грешный раб. Грешный раб* – традиционная форма самоуничтожения, принятая в средневековых духовных текстах.

Какое же *чудо* случается с автором в дороге? Он задумывается о *душе*: «*мысль* <...> мимолетом обнимает <...> все, что на *душе* под спудом». Он начинает мыслить о вечном, о высоком. С ним происходит чудо воскрешения. *Коляска* дарует лирическому герою временную «физическую смерть» и в то же время *духовное воскрешение*:

И все что на *душе* под спудом
Дремало в непробудном сне
На свежем воздухе, как *чудом*,

⁶ Благой 1931, 36.

⁷ Вяземский 1880/3, 396.

Все быстро *ожило* во мне⁸.

Автор способен мыслить вне зависимости от того, где находится, но в светской жизни этому мешает житейское угнетение, давление – мысли в нем дремлют. «Умирая», поэт избавляется от светского «спуда» и начинает мыслить.

Возникает закономерный вопрос: от чего освобождается герой? С самого начала стихотворения «Я» автора освобождается от «ярма привычек». Привычки могут быть хорошими и плохими, но дело не в этом. Они лишают человека *власти над самим собой*. Он принужден механически выполнять одни и те же действия *бездумно*. Более того, они привносят однообразие в жизнь («томясь житьем однообразным»), таким образом, «коляска» освобождает Вяземского от привычных оков светского мира. В ней он «сокрыт» от светской суеты (отгорожен от мира), в отличие от «телеги» Пушкина. Пушкинская телега, открытая ветрам, не защищает человека и не разделяет пространство, *человек и мир* не отделены друг от друга.

Хоть тяжело подчас в ней *бремя*,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое *время*,
Везет, не слезет с облучка⁹.

Для поэта *вся его жизнь – езда в телеге*. Рифма *бремя/время* создает дополнительную смысловую связку, таким образом, прожитое время становится бременем.

Тяжесть «бремени» не мешает легкости хода телеги. Телега не может иметь легкого хода с размещенным на ней тяжелым «бременем», то есть грузом. Время персонифицировано у Пушкина в фигуре лихого ямщика, седого старика, много жившего и много повидавшего.

В «Коляске» Вяземского мы также находим рифму *время/бремя*, которая имеет схожее значение, однако получает иную разработку. По Вяземскому, одновременно жить и мыслить и есть двойное *бремя*:

Живет и мыслит в то же *время*,
То есть живет, как наше племя
Живет – под вихрем и грозой,
Мне – так не в мочь двойное *бремя*¹⁰.

Для Вяземского «двойным» бременем становятся не прожитые года, а бессмысленная светская жизнь. Несмотря на то, что время, проведенное героем Пушкина в телеге, – *бремя*, то есть тяжесть, она «на ходу легка». Очевидно, здесь автор дает характеристику жизненному пути, подчеркивает легкость собственной жизни.

В образе «седого» ямщика-времени прослеживаются параллели с образом Сатурна в греко-римской мифологии: «Будучи стариком, он наделяется костылем. Через Крона Сатурн стал персонификацией времени»¹¹. Время сливается воедино с человеком в образе ямщика. Причем этот ямщик никогда не слзлит «с облучка», не останавливается, предвидится только одна остановка – *ночлег*, смерть. В отличие от Пушкина, у Вяземского *ночлег* реальный – это остановка в пути:

⁸ Вяземский 1880/3, 395.

⁹ Пушкин 1950/2, 160.

¹⁰ Вяземский 1880/3, 396.

¹¹ Холл 1996, 497.

То на *ночлеге* размышленья
 С собой рассчитываюсь я
 В расходной книжке бытия¹².

Для Пушкина время жизни – «бремя». «Телега» – образ жизни, «утро» (молодость) предстает временем лени и неги, но герой не понимает всего своего счастья и, торопя время, «кричит: пошел». В зрелости нет той «отваги», что в юности, героя страшат «косогоры и овраги», все то, что является неотъемлемой частью быстрой и бесшабашной езды в юности.

В «Коляске» мы не найдем образа ямщика – он отсутствует. Это знаковое отсутствие, которым поэт дает понять, что над ним никто не властен и он сам управляет движением по «жизненному» пути. Однако в стихотворении Вяземского «Памяти живописца Орловского» имеется отсылка к «телеге» Пушкина:

Толи дело в старь: телега,
 Тройка, ухорьский ямщик:
 Ночью – дуешь без ночлега,
 Днем же, – высунув язык¹³.

Поэт делает ироничное и меткое замечание: *в старь*, себя же он не относит к тому времени, поэтому у него в стихотворении и появляется образ «коляски», появившейся позже «телеги». В этих строках ямщик все такой же «лихой» – «ухорьский». Вяземский иронично обыгрывает мотив постоянного движения – «дуешь без ночлега», «высунув язык».

Вторая часть нуждается в более подробном пояснении. Она представлена фразеологизмом «высунув язык» (т.е. усталость от быстрого движения, вызванного безрассудством юности), синонимичным пушкинскому стиху «мы рады голову сломать». Можно сказать, что в приведенных строках Вяземского наблюдается ироническое обыгрывание образа жизни, созданного Пушкиным.

Упомянем другой «минус-прием». В «Коляске» герой предстает не только в образе ездока, но и в образе всадника:

Бесился подо мной довольно,
 Прекрасным всадником гордись¹⁴.

Этого образа у Пушкина нет. Разумеется, Вяземский говорит о Пегасе, которого он оседлал. В «Коляске» происходит замена «пегаса» на «коней». Пушкин неоднократно обращался к мотиву езды в своей поэзии, но в «Телеге жизни» он предстает ездоком, а не всадником. В то же время в ряде рисунков Пушкин изображает себя всадником. Рисунки конных автопортретов поэта найдем в черновиках к пятой главе «Евгения Онегина» (рис. № 64)¹⁵, в черновике стихотворения «Делибаш» (рис. № 74)¹⁶, в альбоме Елизаветы Николаевны Ушаковой (рис. № 79)¹⁷. По словам исследователя Е.Н. Егоровой: «Образ коня в поэзии часто ассоциируется с вольностью и свободой. Прекрасные зарисовки вольных лошадей, сделанные с удивительным мастерством, часто встречаются в пушкинских автографах»¹⁸.

¹² Вяземский 1880/3, 396.

¹³ Вяземский 1880/4, 217.

¹⁴ Вяземский 1880/3, 399.

¹⁵ Жуйкова 1996, 57.

¹⁶ Жуйкова 1996, 60.

¹⁷ Жуйкова 1996, 62.

¹⁸ <http://www.proza.ru/2008/10/31/16>

В противовес рисункам, на которых Пушкин предстает свободным – «оседлавшим лошадь», в стихотворении «Телега жизни» он не властен над лошадьми.

Таким образом, отсутствие в «Коляске» Вяземского «ямщика», изображение героя в виде всадника служат показателями свободы человека, независимости его жизненного пути, тогда как у Пушкина жизненный путь полностью подчинен времени и не подвластен герою.

ЛИТЕРАТУРА

- Благой, Д.Д. 1931: *Социология творчества Пушкина*. М.
Вяземский, П.А. 1880: *Полное собрание сочинений*: в 12 т. Т.3, Т.4. СПб.
Егорова, Е.Н. *Лошади в жизни и творчестве А. С. Пушкина*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2008/10/31/16>
Жуйкова, Р.Г. 1996: *Портретные рисунки Пушкина*. СПб.
Лермонтов, М.Ю. 1889: *Сочинения*. Т.1. М.
Лотман, Ю.М. 1993: *Избранные статьи*: в 3 т. Т.3. Таллинн.
Пушкин, А.С. 1950: *Полное собрание сочинений*: в 10 т. Т.2. М.–Л.
Холл, Дж. 1996: *Словарь сюжетов и символов в искусстве*. М.
Blumenberg, H. 1997: *Shipwreck with Spectator: Paradigm of a Metaphor for Existence*. L.

REFERENCES

- Blagoy, D.D. 1931: *Sociologija tvorcestva Pushkina* [*Sociology of Pushkin's Creative Work*]. Moscow.
Blumenberg, H. 1997: *Shipwreck with Spectator: Paradigm of a Metaphor for Existence*. Leningrad.
Egorova, E.N. *Loshadi v zhizni i tvorchestve A.S. Pushkina* [*Horses in the Life and Work of A.S. Pushkin*], <http://www.proza.ru/2008/10/31/16>
Holl, Dzh. *Slovar' sjuzhetov i simvolov v iskusstve* [*Dictionary of Subjects and Symbols in Art*]. Moscow.
Lermontov, M.Ju. 1889: *Sochineniya* [*Works*]. Т.1. Moscow.
Lotman, Ju.M. 1993: *Izbrannye stat'i* [*Selected Papers*]: в 3 т. Т.3. Tallinn.
Pushkin, A.S. 1950: *Polnoe sobranie sochineniy* [*Complete Works*]: в 10 т. Т.2. Moscow – Leningrad.
Vyazemskiy, P.A. 1880: *Polnoe sobranie sochineniy* [*Complete Works*]: в 12 т. Т.3; Т.4. Saint-Petersburg.
Zhukova, R.G. 1996: *Portretnye risunki Pushkina* [*Portrait Drawings by Pushkin*]. Saint-Petersburg.

METAPHOR OF LIFE COURSE IN A.S. PUSHKIN'S AND P.A. VYAZEMSKIY'S
POETRY

Aleksey V. Petrov, Nikolay N. Solov'ev

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,
alexpetrov72@mail.ru, kolya.solowey.89@mail.ru

Abstract. The author considers the metaphorical understanding of a course of life that is presented in A.S. Pushkin's poems «The cart of life» and «Carriage» by P. A. Vyazemskiy. The metaphorical substitution of the life journey becomes a ride in the «cart» of Pushkin and «the carriage» of Vyazemskiy. Vyazemskiy's «carriage» acts as the ideological «successor» of Pushkin's «cart». At the same time, Vyazemskiy interprets his own metaphor for life's journey wider than Pushkin does. This extension is achieved by the poet through the specificity and increase the space path of life by introduction such elements as creativity, friends and others. This article traces the creative dialogue between two poets, allows us to identify innovations contributed by Vyazemskiy to the interpretation of this metaphor.

Key words: Russian literature of the 19th century, A.S. Pushkin, P.A. Vyazemskiy, metaphorical substitution of the life journey
